

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «АРХЕОЛОГИЯ»

ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ДРЕВНОСТИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ

Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова

*Под редакцией
В. С. Синики и Р. А. Рабиновича*

Библиотека

stratum

КИШИНЕВ-ТИРАСПОЛЬ
2018

T. G. SHEVCHENKO PRIDNESTROVIAN STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF ARCHAEOLOGY

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

ANTIQUITIES. STUDIES. ISSUES

Essays in honour of Nicolai Telnov
on the occasion of his 70th birthday

Edited by
V.S. Sinika and R.A. Rabinovici

KISHINEV-TIRASPOL
2018

70-летию
Николая Петровича Тельнова
посвящается

This issue to 70th anniversary of Nicolai P. Telnov

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). К юбилею Николая Петровича Тельнова 11

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Э. В. Овчинников (*Киев, Украина*). Исследования трипольского поселения
Русановцы в Верхнем Побужье в 2010—2012 гг. 19

И. В. Манзура (*Кишинёв, Молдова*). Расписная керамика позднего энеолита
на поселении Орловка-Картал на Нижнем Дунае 35

С. Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), **А. Н. Усачук** (*Донецк, Украина*). Комплекс
раннего бронзового века с каменной фигуркой из Северо-Восточного Приазовья . . 49

Г. Л. Евдокимов (†), **Н. М. Данилко**, **С. Ж. Пустовалов** (*Киев, Украина*). Курганы
бронзового века в низовьях Днепра (раскопки Краснознаменной экспедиции
в 1991 г.). 59

С. Д. Лысенко, **С. С. Лысенко** (*Киев, Украина*). Курганная группа 3 Войцеховского
могильника (по результатам исследований 2011—2012 гг.). 89

А. С. Пробейголова (*Киев, Украина*). Поселение эпохи поздней бронзы
Мечетное-2 в среднем течении р. Северский Донец 113

С. С. Лысенко (*Киев, Украина*). Булавки с пластинчатой головкой эпохи
поздней бронзы с территории Украины 125

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С. Б. Вальчак (*Москва, Россия*). Новочеркасский клад 1939 г. — эпонимный
памятник предскифского периода 137

В. Б. Панковский (*Киев, Украина*), **С. А. Фидельский** (*Тирасполь, Молдова*).
Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века
Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) 147

Д. А. Топал (*Кишинёв, Молдова*). Состав вооружения и возможности культурной
группировки (на материалах скифского времени Карпато-Подунавья) 165

А. Р. Канторович (*Москва, Россия*). Образно-сюжетный репертуар
восточноевропейского скифского звериного стиля: принципы и результаты
классифицирования и кодирования 195

В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*). Скифский
курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное 223

С. В. Полин (*Киев, Украина*). Сарматское завоевание Северного Причерноморья
(современное состояние проблемы). 267

Ю. П. Зайцев (<i>Симферополь, Крым</i>). Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму	289
---	-----

М. М. Чореф (<i>Нижневартовск, Россия</i>). Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации	319
--	-----

СРЕДНИЕ ВЕКА

И. О. Гавритухин (<i>Москва, Россия</i>), М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). О времени появления славян на территории Молдовы	333
---	-----

А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье	355
--	-----

Д. Елинкова (<i>Брно, Чехия</i>). К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа	389
--	-----

А. В. Комар (<i>Киев, Украина</i>). Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони	409
---	-----

А. Тюрк (<i>Будапешт, Венгрия</i>). Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы	423
--	-----

С. С. Рябцева (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Об особенностях морфологии и декора «волынских серег» с тиснеными подвесками	435
---	-----

Н. А. Плавинский (<i>Минск, Беларусь</i>). Курган 5 могильника Погоща как пример элитарного погребального комплекса конца X — начала XI в. на северо-западе Полоцкой земли	445
--	-----

Р. А. Рабинович (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв.	465
---	-----

А. А. Романчук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Слово о Суждале: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики	483
---	-----

М. В. Цыбин (<i>Воронеж, Россия</i>). К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX—XVII вв.	495
--	-----

Список сокращений.	505
----------------------------	-----

CONTENTS

AD GLORIAM

V. S. Sinica (<i>Tiraspol, Moldova</i>). This issue is dedicated to Nicolai P. Telnov's birthday anniversary	11
--	----

PALAEOMETAL AGE

E. V. Ovchinnikov (<i>Kiev, Ukraine</i>). Research of the Trypillia Settlement Rusanovtsy in the Upper Southern Bug River in 2010—2012.	19
I. V. Manzura (<i>Kishinev, Moldova</i>). Late Eneolithic Painted Pottery at the Settlement of Orlovka-Kartal on the Lower Danube	35
S. N. Razumov (<i>Tiraspol, Moldova</i>), A. N. Usachuk (<i>Donetsk, Ukraine</i>). The Early Bronze Age Complex with a Stone Figurine from the North-East Azov Sea Region	49
G. L. Evdokimov (†), N. M. Danilko, S. Zh. Pustovalov (<i>Kiev, Ukraine</i>). Bronze Age Barrows in the Lower Dnieper Region (excavations of the Krasnoznamenskaya expedition in 1991)	59
S. D. Lysenko, S. S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Barrow Group 3 of the Voytsehovka Cemetery (excavations of 2011—2012)	89
A. S. Probeygolova (<i>Kiev, Ukraine</i>). The Settlement of Mechetnoe-2 of the Late Bronze Age in the Middle Donets Area	113
S. S. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Pins with a Plate Head of the Late Bronze Age from the Territory of Ukraine	125

EARLY IRON AGE

S. B. Valchak (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Novocherkassk Hoard of 1939 — an Eponymous Site of the Pre-Scythian Period	137
V. B. Pankowski (<i>Kiev, Ukraine</i>), S. A. Fidelski (<i>Tiraspol, Moldova</i>). A Systematic Outline of Bone and Antler Industry in the Dniester Region Iron Age: some principles from Chobruchi settlement site	147
D. A. Topal (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Panoply and Cultural Grouping of Scythian Period in Carpathian-Danube Region	165
A. R. Kantorovich (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Imagery Repertoire of the Eastern European Scythian Animal Style: the principles and results of classification and coding.	195
V. S. Sinika (<i>Tiraspol, Moldova</i>), N. P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). Scythian Barrow 116 of the First Half of the 3 rd Century BC Near Glinoe Village.	223
S. V. Polin (<i>Kiev, Ukraine</i>). Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (current studies)	267

Yu. P. Zaytsev (<i>Simferopol, Crimea</i>). Complex with a Celtic Type Shield from Ak-Kaya Necropolis in Crimea	289
---	------------

M. M. Choref (<i>Nizhnevartovsk, Russian Federation</i>). Countermarks on Staters of King Pharzoios as Sources of Historical Information.	319
---	------------

MIDDLE AGES

I. O. Gavritukhin (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). About the Time of the Appearance of the Slavs in the Territory of Moldova	333
--	------------

A. M. Oblomskii (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Early Medieval Settlement Stayevo-4 in the Upper Don Region.	355
---	------------

D. Jelínková (<i>Brno, Czech Republic</i>). On the Issue of Some Female Adornments from a Cremation Cemetery of the Prague-type Pottery Culture in Přítluky	389
---	------------

A. V. Komar (<i>Kiev, Ukraine</i>). Birch Bark Decoration of Scabbard of an Early Medieval Sword from Yablunya	409
--	------------

A. Türk (<i>Budapest, Hungary</i>). The Eastern Origins of the Early Hungarian Culture in 10th Century AD and Medieval Archaeology of Eastern Europe	423
---	------------

S. S. Ryabtseva (<i>Kishinev, Moldova</i>). On the Features of the Morphology and Decor of the “Volhynian Type Earrings” with Embossed Pendants	435
---	------------

M. A. Plavinski (<i>Minsk, Belarus</i>). Barrow 5 of the Pahoshcha Cemetery as an Example of an Elite Burial Complex of the Late 10th — Early 11th Century in the Northwest of Polatsk Land	445
---	------------

R. A. Rabinovici (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Prut-Dniester Interfluve in the Context of Cultural and Historical Relations of the Surrounding Regions in the Middle of the 5th — Middle of the 11th Centuries.	465
---	------------

A. A. Romanchuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). A Word about <i>Sujdal</i>: a Hypothesis by O. N. Trubachev in the Light of Archeological, Historical and Toponomic Data.	483
---	------------

M. V. Tcybin (<i>Voronezh, Russian Federation</i>). To Study the Regularities of Formation of the Russian-Nomadic Frontier in the Middle Don Region in the 9th — 17th Centuries	495
---	------------

Abbreviations	505
--------------------------------	------------

А. А. Романчук

Слово о Суздале: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики

Keywords: Ancient Rus, Suzdal, Slavs, archaeology, toponymy, history

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздаль, славяне, археология, топонимика, история

A. A. Romanchuk

A Word about Suzdal: a Hypothesis by O. N. Trubachev in the Light of Archeological, Historical and Toponymic Data

O. N. Trubachev's hypothesis is considered in the context of modern knowledge of archaeology and history, as well as in the context of toponomic landscape of the region. The author found out that the hypothesis refers to the knowingly later historical events, compared to the time of appearance of the oikonym. So, the hypothesis needs a significant modification, at least. Basing on the analysis of the toponomic context of the region, the author suggest that the appearance of the oikonym Suzdal was caused by the first wave of Slavic migration to the Volga-Klyazma region. This migration brought a toponomic model that consists of prefix Su- and final -ь to the region. The author also suggests that appearance of Suzdal as oikonym was preceded by use of Suzdal as a hydronym (the old name of the Kamenka river, presumably) or a toponym which named a larger topographical object (Suzdal high plains as a whole).

A. A. Романчук

Слово о Суздале: гипотеза О. Н. Трубачева в свете данных археологии, истории и топонимики

Гипотеза О. Н. Трубачева о происхождении названия города Суздаль была сопоставлена с современными данными археологии и истории, а также топонимическим ландшафтом региона. Было обнаружено, что эта гипотеза апеллирует к заведомо более позднему, сравнительно со временем возникновения ойконима, историческим событиям. И нуждается в, по крайней мере, серьезной модификации. Исходя из топонимического контекста, предлагается связывать появление ойконима «Суздаль» с самой ранней волной славянского заселения Волго-Клязьминского междуречья, принесшей в регион топонимическую модель с префиксальным Су- и финалем -ь. Высказано предположение, что ойкониму «Суздаль» предшествовал гидроним (предположительно — более раннее название реки Каменка) или топоним, обозначавший более крупный топографический объект (Суздальское ополье в целом).

Предваряя текст статьи, хочется сказать несколько слов в качестве предисловия, обращенного к той решающей причине, которая здесь нас всех собрала — юбилею Николая Петровича.

Всегда хочется написать для юбиляра что-то такое, что будет ему чем-то особенно созвучно, близко каким-то его устремлениям и интересам. Не всегда так удается. Но я льщу себя надеждой, что в данном случае моя статья, попав в сборник в честь юбилея Николая Петровича, как раз попадает и в точку.

Будучи филологом по первому образованию, Николай Петрович сохранил на всю жизнь любовь к поэтике древнерусского языка. И до сих пор он с большой любовью и тщанием собирает, например, литературу о «Слове о полку Игореве».

Поэтому я искренне надеюсь, что Николаю Петровичу будет действительно приятно читать этот плод моих размышлений¹.

Итак, сорок лет назад О. Н. Трубачев назвал одну свою небольшую статью «Снова о названии Суздаль».

В ней, опираясь на краткое замечание Ф. Миклошича, он предложил новую этимологию названия города Суздаль (Трубачев 2005:

¹ Статья представляет собой развитие идей, высказанных в опубликованной на сайте генофонд.рф (Романчук 2015) работе «И еще раз о Суздале»: http://генофонд.рф/?page_id=6358.

Большое спасибо редакторам сайта генофонд.рф — Е. В. Балановской, Л. С. Клейну и Н. В. Маркиной, а также всем его читателям, принимавшим участие в обсуждении.

301—306). Этимология эта получила широкое признание (Нерознак 1983: 165), и, как полагают, «наиболее предпочтительным в настоящее время представляется предположение О.Н. Трубачева» (Смолицкая 2002: 333).

Вместе с тем, до сих пор никто не пытался проверить гипотезу О.Н. Трубачева с точки зрения данных археологии и истории. А также рассмотреть название *Суздаль* не просто само по себе — но учитывая его топонимический контекст в целом. И, как мне кажется, сегодня есть необходимость снова вернуться к этой проблеме — в том числе отталкиваясь и от результатов некоторых других исследований самого О.Н. Трубачева.

Начнем с того, что составим себе представление о сути гипотезы О.Н. Трубачева, а также и ходе его рассуждений.

О.Н. Трубачев: *Суздаль и суздаль*

Итак, «слово *Суздаль* с редким единодушием признано неясным по происхождению. Поиски при этом велись, как правило, в одном направлении, несмотря на сопутствующую этим попыткам неудачу... В двух словах это выглядит так: название *Суздаль* неясно, непрозрачно, оно находится на территории с древним финским субстратом, следовательно, мы имеем здесь дело с нерусским названием» (Трубачев 2005: 301).

Действительно, на финской почве достаточно убедительно объяснить топоним *Суздаль* так и не удалось.

Не увенчались успехом и попытки скандинавской этимологии. Впрочем, эти попытки изначально были очень похожи на народную этимологию; удивительно, что иногда они появляются и в новейших работах (правда, это работы не лингвистов). Как убедительно показала по отношению к вариациям названия топонима *Суздаль* в скандинавских источниках Т.Н. Джаксон: «перед нами попытки передать местное звучание с использованием скандинавских корней» (Джаксон 2001: 155)².

Предложение же О.Н. Трубачева заключалось в следующем: «Слово *Су-зда-ль*... правильно образовано в древнерусском языке с помощью вышеназванной именной приставки *су-* и суффиксального *-ль* от глагола *СЪЗЪДАТИ*, *создать*, ср. аналогичные отношения пар-

ных префиксальных имен и глаголов *сувой* — *свить*, *сугроб* — *сгребать/сгрести* в русском языке» (Трубачев 2005: 303).

И, в таком виде, в целом предложение О.Н. Трубачева (с учетом уточнений В.П. Нерознака (Нерознак 1983: 165)) как будто возражений не вызывает.

Правда, он (как отчасти и В.П. Нерознак) совершенно обошел вниманием то обстоятельство, что изначальной формой топонима являлась, видимо, все же *Суждаль*.

Совершенно упускает из виду это обстоятельство и А.К. Матвеев в недавней (опубликованной посмертно) работе, где он попытался предложить мерянскую этимологию ойконима *Суздаль* (Матвеев 2015: 64)³.

Между тем, на это особо обращал внимание еще М. Фасмер — возражая против возможности использовать для этимологизации белорусское диалектное *суздалі* (Фасмер 1987: 805). По его мнению, «-з- произошло из -ж- путем дистантной ассимиляции начальному *С-* ... Сближение с блр. *суздалі* противоречит старым свидетельствам на -ж-».

Действительно, в летописи мы имеем первое упоминание как *Суждаль*: «Впервые... в Лавр. лет. под 1024 годом: “Всташа вольсьви в Суждали”, ПСРЛ I, 147» (Нерознак 1983: 164—165). В сравнительно недавно обнаруженном более раннем источнике, Новгородском кодексе («древнейшая ныне известная

³ Гипотеза А.К. Матвеева вызывает сомнения еще по ряду причин, в том числе и потому, что, приведя обширный перечень вариантов «проявления русской фонетической и фонетико-морфологической адаптации (мерянского — А.Р.) форманта -бол» (Матвеев 2015: 63), он не обнаруживает среди них более ни одного, где исходное «мерян. *-pol, *-bol или *-rāl, *-bāl» дало бы русское *-дал/-дол*. К тому же, и сам А.К. Матвеев справедливо отмечает важный хронологический показатель: «сегмент -бал... по-видимому, отражающий относительно поздний этап ассимиляции, когда мерянское *ā уже воспринималось русскими как а» (Матвеев 2015: 58). Между тем, очевидно, что ойконом *Суздаль* является очень ранним и возникает в, по крайней мере, раннедревнерусское время.

Что касается упоминаемой здесь же А.К. Матвеевым гипотезы А.Л. Шилова (тоже предполагающего финно-угорское происхождение ойконима *Суздаль*), то мне, к сожалению, недоступна эта работа (Шилов 1996), поэтому сложно сейчас дать ей оценку. Но, по всей видимости, к ней отчасти возникают те же вопросы, что и к гипотезе А.К. Матвеева. А отчасти — и новые. Сам А.К. Матвеев оценивал ее как «далеко не бесспорную».

Но, как бы то ни было, излагаемые в этой статье соображения будут иметь, полагаю, значение для любой попытки этимологизировать ойконом *Суздаль* — будь то на славянской почве или на финно-угорской.

² Как отмечает и А.К. Матвеев, «варьирование скандинавских форм (*Súrdalar*, *Surtsdalar*, *Sursdalar* и т.п.) ясно указывает на народную этимологию генетически нескандинавского слова» (Матвеев 2015: 63).

книга древней Руси» (Зализняк 2003: 191)), отражающем события и реалии конца X века, тоже использована форма с -жс-: «в соуждальи» (Зализняк 2003: 209).

Если изначальной формой ойконима было именно *Суждаль*, то перед гипотезой О.Н. Трубачева сразу возникает достаточно серьезное затруднение, требующее разрешения.

Правда, В.П. Нерознак, хотя и слишком, на мой взгляд, бегло, высказал предположение, которое, по его мысли, могло бы это затруднение все же разрешить: «можно предположить, что вариант Суждаль возник под влиянием формы *зиждѣ* ‘зижду, строю’» (Нерознак 1983: 166).

Но, не углубляясь пока здесь в этот вопрос, я хотел бы сосредоточить внимание на другой, и, по меньшей мере, — не менее важной проблеме, встающей перед гипотезой О.Н. Трубачева.

А именно: в таком, изложенном выше виде, гипотеза О.Н. Трубачева является принципиально незавершенной.

Попытки же О.Н. Трубачева завершить эту гипотезу — заставили его, на мой взгляд, вступить на весьма зыбкую почву, и вызывают серьезные возражения.

Итак, О.Н. Трубачев, пытаясь придать гипотезе законченный вид, обращает внимание на «такой немаловажный фактор, как отсутствие в известном нам русском и славянском словарном составе апеллатива *суздаль. В самом деле, нельзя же, например, считать таковым чисто случайно созвучное слово *суздыль* м.р. ‘сухой, худой человек’, отмеченное в белорусских могилевских говорах...» (Трубачев 2005: 304).

Выход из этой ситуации он видит в том, чтобы **реконструировать** «исконно русское апеллативное *Суздаль*, а также его примерное значение ‘глинобитная или кирпичная постройка’. Парный глагол съзидати имел первоначально конкретное значение ‘слепить из глины’, отсюда его употребительность, например, в церковных сказаниях о создании человека из глины» (Трубачев 2005: 304). По его мнению, «в подтверждениях древних связей гончарства и кирпичного зодчества нет недостатка. Для обоих ремесел един древнерусский глагол ЗЪДАТИ. То же самое действительно и для имени деятеля др.-рус. **зѣдѣчии**: обозначался этим словом умелец, который “ЗДАЛЪ ДОМЫ”, был, по сути дела, кирпичных дел мастером, хотя он же выступал и как горшечник» (Трубачев 2005: 305).

Но здесь существует очевидная проблема.

Именно логика выдвигаемой им гипотезы требует связать появление названия *Суздаль* — с каменным (строго соблюдая логику гипотезы, следовало бы: кирпичным) строительством в регионе. По его словам: «на фоне деревянных “новостроек” Северо-Восточной Руси ранней поры резко выделялся каменный храм в Древнем летописном Суздалье — первый каменный дом на всем Северо-Востоке XI в.; в этой же связи в роли контрастного, культурно отмеченного (*merkmalhaftig*, *markiert*, *marque*) признака выдвинулась, по видимому, и какая-то новаторская строительная техника, которая, наверное, и дала имя Суздалью в отличие от других известных, ближних и дальних городов и весей» (Трубачев 2005: 305—306).

2. Гипотеза О. Н. Трубачева и данные археологии и истории

Однако, как следует из археологических и исторических данных, Суздаль возникает еще в X веке.

Вот что пишет Н.А. Макаров, подводя итоги нескольких десятилетий археологических исследований Суздаля: «М.В. Седова относил возникновение Суздаля к первой половине X в. Согласно её наблюдениям, древнейшее славяно-мерянское поселение представляло собой мысовое городище с тремя линиями рвов и валом в северо-западной части кремля площадью около 1,5 га. Эти укрепления были скрыты не позднее первой четверти XI в., очевидно, после восстания волхвов 1024 г., когда Ярослав соорудил более мощные укрепления, охватывавшие площадь 14 га» (Макаров 2012: 204).

Действительно, М.В. Седова полагала, что город Суздаль возник лет на сто ранее его первое упоминание в летописи (Седова 1992: 2, 14—15).

Но даже если исходить из наиболее консервативных оценок археологов, то все же дату возникновения города Суздаля нельзя отнести ко времени более позднему, нежели середина — вторая половина X века.

Если же говорить о письменных источниках, то, как отмечалось несколькими абзацами ранее, первое упоминание Суздаля в летописи относится к 1024 году. А согласно также цитированному выше т.н. Новгородскому кодексу, уже «в 999 г. монах Исаакий был поставлен попом (то есть, стал иеромонахом) в Суздалье» (Зализняк 2003: 210).

Существенное значение для датировки возникновения названия *Суздаль* имеют и данные

скандинавской традиции. Именно, как убедительно показала Т.Н. Джаксон, самые ранние названия Суздаль в скандинавской традиции возникли в диапазоне от второй трети X века до, самое позднее, начала XI века (Джаксон 2001: 153).

Очевидно, что возникновение названия *Суздаль* должно было более или менее значительно предшествовать времени его фиксации скандинавскими источниками. К тому же, не приходится думать, что скандинавские источники зафиксировали бы название Суздаля уже в X — начале XI вв., если бы к этому времени он представлял собой уж совершенно незначительное поселение (или, точнее, незначительный топографический объект — но об этом ниже). А это, соответственно, заставляет предполагать еще более длительную предысторию существования и ойконима, и «городского» поселения *Суздаль*.

Тем более, что, как подчеркнула М.В. Седова, в исландском географическом сочинении «Какие земли лежат в мире» Суздаль перечисляется среди восьми древнейших и крупнейших городов Руси (Седова 1992: 5).

Таким образом, можно полагать, что, по крайней мере, к началу — первой трети X века «городок» *Суздаль*, как и его название, — уже существовали⁴.

⁴ Упомянем здесь и то, что (как отмечала и М.В. Седова (Седова 1992: 4)) Венгерский Аноним называет некий топоним *Susudal* в контексте событий 884 г. — переселения венгров в Паннонию, при пересечении ими Волго-Окского междуречья. И существует уже давняя традиция видеть в этом топониме именно упоминание Суздаля или Суздальской земли.

Однако, действительно ли это упоминание отражает реалии именно IX века? Или же уже XII века?

Мне кажется, что скорее второе.

Но существенно, что, как отмечал А.Е. Леонтьев, направления первоначальной славянской колонизации Ростово-Суздальских земель «определялись не течением рек и наличием свободных плодородных земель — удобные для освоения территории были в изобилии, и их освоение в пределах Ростово-Суздальского княжества затянулось на столетия. Города и поселки возникли, прежде всего, в наиболее обжитых районах дославянского населения края — летописного финского племени мери. ... Суздаль и более поздние княжеские города — Владимир, Переславль, Юрьев возникли в ранее освоенных финских местностях» (Леонтьев 1991: 3). Этот же вывод он повторяет и в диссертации, указывая, что Суздаль возник на месте более раннего «мерянского» неукрепленного поселения (Леонтьев 1991a: 22).

И это дает основания предполагать, что топоним *Суздаль* может быть не просто древнее возникновения «города» *Суздаль* — а существенно древнее.

Однако, с другой стороны, «становление его как значимого политического центра, судя по летописи, должно быть отнесено к концу XI столетия, когда город становится предметом ожесточенной борьбы между потомками Ярослава — Олегом Святославичем и Мономахичами» (Макаров 2012: 194). По археологическим же данным: «ранний слой Суздаля беден вещевыми находками, точно определить время возникновения поселения и продолжительность формирования древнейшего слоя с лепной керамикой затруднительно. Можно составить лишь самое общее представление о поселении. Оно возникло не позднее второй половины X в., было укреплено, в отличие от основной массы поселений Ополя, но культурный слой не содержит находок, указывающих на его особый статус и торгово-ремесленный характер» (Макаров 2012: 204).

То есть, в X — первой половине XI в. Суздаль явно существует, но существует все же как сравнительно (с тем же Ростовом, например) рядовое поселение. Предполагать там в это время масштабную престижную архитектуру, и тем более такого типа, которая бы сыграла роль «контрастного, культурно отмеченного признака» — оснований как будто нет.

Более того, масштабное, а скорее — и вообще каменное строительство в Суздале явно не могло начаться ранее, чем Суздаль стал значимым политическим центром. Поскольку, в условиях того времени, каменное строительство для Владимиро-Суздальских земель — это весьма трудоемкое и достаточно экономически затратное дело.

Так, С.В. Заграевский подсчитал, что в среднем плечо подвоза камня для строительства храмов XII века в Суздале и Владимире составляло порядка пятисот километров. А само каменное строительство было трудозатратнее кирпичного (тоже, собственно говоря, недешевого) более чем в десять раз.

Даже если С.В. Заграевский здесь несколько преувеличивает эту разницу, очевидно, что порядок цифр будет примерно таковой.

И, согласно выводам С.В. Заграевского, «в Византии церковное строительство велось из плинфы или в смешанной технике — “opus mixtum”; из камня строили только на некоторых окраинах Византийской империи, и то лишь потому, что в горах и пустынях не было глины для обжига на плинфу. Плинфяной либо смешанной была и строительная техника Киева, Новгорода, Пскова, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Переяславля Южно-

го, Владимира Вольнского и всех остальных древнерусских земель (добавлю здесь: включая и соседнюю Рязань. — А.Р.), **кроме Галицкой и Суздальской**» (Заграевский 2008: гл. 1).

При этом **«в Галицком княжестве белокаменное строительство началось в 1110—1120-х годах, в Суздальском — в 1152 году ... (выделено мной. — А.Р.)»** (Заграевский 2008: гл. 1).

То есть, в Суздале белокаменное (и, главное, масштабное) строительство началось только в середине XII века, при Юрии Долгоруком. Причем первый белокаменный храм Владимиро-Суздальской Руси был построен Юрием Долгоруким в Кидекше, в самом же Суздале при Юрии Долгоруком никакого белокаменного строительства не велось.

Впрочем, может быть, здесь следует ориентироваться не на собственно белокаменное строительство, а на появление первых «кирпичных» (т.е. созданных в технике «opus mixtum» или близкой к ней) культовых сооружений в Суздале?

Тем более, что реконструируемый О.Н. Трубачевым апеллатив должен был иметь, по его мнению, значение как раз «глинобитная или кирпичная постройка». Да и ведь, безусловно, сильнейшее влияние на О.Н. Трубачева, возможно, ставшее одной из первопричин появления у него этой идеи, оказало как раз открытие археологами на территории Суздаля действительно нерядового объекта — печей для обжига кирпича-плинфы (Варганов 1956; Смолицкая 2002: 333)⁵.

Но и здесь данные археологии и истории противоречат гипотезе О.Н. Трубачева: самый ранний эпизод строительства в технике «opus mixtum» в Суздале, судя по имеющимся данным, относится ко времени, тоже заведомо слишком позднему — и связан с деятельностью уже Владимира Мономаха.

Именно при Владимире Мономахе (великий князь в 1113—1125 гг.) построили первую в технике «opus mixtum» церковь в Суздале (собор Рождества Богородицы, около 1101 года) (Воронин 1961: 27—28). И именно ко времени строительства Мономахом церкви в Суздале, очевидно, относится и деятель-

ность этих печей для обжига кирпича-плинфы (Варганов 1956: 54)⁶.

Подчеркну здесь, что отнесение первого опыта «каменного» (точнее — кирпично-каменного) строительства в Суздале ко времени Владимира Мономаха является общим мнением исследователей, выводом, который сомнений на сегодняшний день ни у кого не вызывает (Седова 1992: 6).

Таким образом, подводя промежуточные итоги: принятие гипотезы О.Н. Трубачева в ее завершенном виде натывается на очевидное несоответствие: название *Суздаль*, по всей видимости, появилось заведомо раньше, нежели появились условия, требуемые гипотезой О.Н. Трубачева. И вдобавок, *Суздаль*, в отличие от почти всех прочих древнерусских центров, характеризуется как раз не кирпичной (что требовала бы логика гипотезы О.Н. Трубачева при строгом ей следовании), но белокаменной архитектурой.

3. Ойконим Суздаль — и гидроним Суздаль?

В этой ситуации, как мне представляется, гипотеза О.Н. Трубачева требует уточнения и развития в ином направлении.

И для этого следует обратиться сначала к наблюдениям другой, и очень значимой работы В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева (вышедшей в 1962 году) — монографии, посвященной гидронимам Верхнего Поднепровья (Топоров, Трубачев 2009).

Отправным пунктом для такого обращения служит момент, на который обратил внимание сам О.Н. Трубачев.

Именно, рассматривая «Су-здаль» как образование с приставкой су-, он сам подчеркивал: «В восточнославянской топонимии и гидронимии эта словообразовательная модель представлена единичными древними образованиями» (Трубачев 2005: 303).

То есть, в случае с названием *Суздаль* мы, судя уже по приставке су-, имеем дело с редким в структурном отношении, очевидно архаичным восточнославянским топонимом — и к тому же оформленным тоже «сугубо ар-

⁵ Сравните также: «Суздальский собор, поднявший свои полосатые каменно-кирпичные стены на огромную высоту над землей... Самый факт постройки столь необычайного огромного здания воспринимался как своего рода “чудо”, облакавшее князя ореолом сверхъестественного» (Воронин 1961: 49).

⁶ К тому же, нельзя не отметить, что, согласно данным письменных источников, примерно синхронно, и тоже по инициативе Владимира Мономаха, был построен и аналогичный храм в близлежащем Владимире-на-Клязьме (Воронин 1961: 39, 42—43). Так что, тут даже хронологический приоритет Суздаля в «кирпичном» (как и «белокаменном») строительстве оказывается под вопросом.

хаической йотовой суффиксацией» (Васильев 2005: 34).

Сам О.Н. Трубачев фактически тоже обратил внимание на соответствующие параллели: «укажем на определенное структурное сходство нашего топонима *Сузда-ль* и такого знаменитого (в другой связи) восточнославянского речного и местного названия как *Супрасль*, правый приток Нарева и населенный пункт на нем» (Трубачев 2005: 303).

В монографии, посвященной названиям рек Правобережной Украины (1968), О.Н. Трубачев отдельно рассмотрел вопрос о собственно гидронимической модели на *-аль* — которая представлена группой тоже весьма редких «славянских гидронимических суффиксальных производных с формантом — (а)ль: *Криваль...*, *Звиздаль...*, *Тусталь...*» (Трубачев 2009: 632). Но, применительно к проблеме названия *Суздаль* мы, думаю, должны непосредственно учитывать и еще один тип гидронимов, рассмотренный В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым: «Таль... Вероятно, образовано от причастия на *-ъ* русск. талый: таять» (Топоров, Трубачев 2009: 311).

Как гидронимы на *-аль*, так и гидроним *Таль* (и ему подобные) относятся к более обширной группе гидронимов на *-ь* (Топоров, Трубачев 2009: 143, 177—178; Трубачев 2009: 630). Также как и гидронимы на *-ль* (*-ля*), — ель и еще некоторые другие.

Сразу отметим, что «происхождение гидронимов на *-ь* неоднородно, как и их состав. С одной стороны, речь идет о чистых основах на мягкий согласный (бывшие основы на *-j/-jo-*), с другой стороны, — о старых основах, расширенных с помощью йотовых суффиксов» (Топоров, Трубачев 2009: 179). Также среди восточнославянских гидронимов на *-ь* мы видим как этимологизируемые на славянской почве, так и на неславянской (главным образом — балтской).

Вместе с тем, важно, что даже этимологизируемые на неславянской почве восточнославянские гидронимы на *-ь* в своем подавляющем большинстве (если не все) приобретают исход *-ь* уже в славянском осмыслении (или при образовании гидронима славянами от неславянского корня)⁷. И, значительная часть из гидронимов на *-ь* обнаруживает определенную неравномерность в своем террито-

риальном распределении — что любопытно, и на этом мы остановимся подробнее ниже.

Пока же обратим внимание, что среди рассмотренных В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым гидронимов восточнославянского ареала на *-ь* весьма заметное место занимают как раз гидронимы, демонстрирующие отчетливые параллели в ойконимике (Топоров, Трубачев 2009: 145—146, 178—179, 312; Трубачев 2009: 606, 654, 666, 674). Вплоть до того, что для одной из составляющих их гидронимических групп — названий рек на *-гоць/-гоца*, — «употребление в качестве гидронимов, по всей видимости, не первично и обязано своим происхождением соответствующим топонимическим случаям» (Топоров, Трубачев 2009: 178).

Вне зависимости от того, насколько последний вывод, по поводу гидронимов на *-гоць/-гоца*, верен (здесь возможна иная интерпретация, о которой будет сказано ниже), мы, как мне кажется, по крайней мере вправе поставить вопрос: **не является ли ойконом Суздаль образованным от гидронима Суздаль?**

Тем более, что в нашем распоряжении имеются сохранившиеся по сей день именно гидронимы *Суздаль*: «гидронимы *Сўздарь* с вариантом *Сўздаль* (басс. р. Юг в Вологодской области) и *Сўздаль* (басс. р. Кострома в Костромской области)» (Матвеев 2015: 63). Правда, как указывает сам А.К. Матвеев, «в первом случае, ввиду смежного названия деревни *Сўздалиха*, очень вероятен перенос названия из Волго-Окского междуречья самими мерянами или русскими, не исключен он и во втором случае» (Матвеев 2015: 64).

Как бы то ни было, правомерность такой постановки вопроса, кажется, полагаю, еще очевиднее, если мы посмотрим на реестр гидронимов бассейна реки *Клязьма*.

Итак, мы видим среди притоков *Клязьмы* следующие реки: *Сувороць*, *Увось* (Урож — приток *Уводи*; его, видимо, тоже стоит учесть), *Вязь* (приток *Учи*) и *Радомля*. Ну и, конечно, река, в двух километрах от впадения которой в *Клязьму* располагался политический преемник *Суздаля*, город *Владимир* — река *Нерль* (ее притоком является *Каменка* — на которой, в свою очередь, расположен город *Суздаль*)⁸.

⁷ Ср. здесь: «Частотность согласной финали *-л* (*ь*) свидетельствует о том, что для мерянских ойконимов на *-бол* было характерно консонантное окончание на согласный, тогда как гласные финали являются результатом русской адаптации» (Матвеев 2015: 56).

⁸ Возможно, тут следует учесть и *Сунгирь* (если, конечно, предполагать его как славянское образование от финно-угорского *ингир* ‘маленькая речка, ручей’ (по поводу *-ингир* см.: Альквист 1997: 30; Матвеев 2015: 123—128). Впрочем, куда вероятнее, что *Сунгирь* следует сопоставлять с многочисленными во Владимирской области и очевидно финно-угорскими по про-

Среди притоков *Уводи* отдельно стоит упомянуть реки *Талка* и *Тальша* — представляющие собой, очевидно, названия, расширенные с помощью новых суффиксов от гидронима *Таль*.

Помимо названий рек, здесь стоит упомянуть и некоторые ойконимы окрестностей Суздаля — как *Суромна*, *Абакумлево* (от *Абакумль*), *Суворотское*, *Чаславль* (возможно: *Уршель*, *Сулово*).

Список этот далеко не полный — и носит лишь иллюстративный характер.

Таким образом, мы видим, что в бассейне Клязьмы наблюдается целое гнездо гидронимов, образованных по редкой и архаичной славянской топонимической модели с префиксом *Су-* — и/или финалем *-ль*, и, шире — *-ь*. Топоним *Суздаль*, соответственно, является не единичным феноменом в этом микрорегионе — и должен объясняться именно как часть этого топонимического гнезда.

Помимо того, надо полагать (исходя из историко-археологических и лингвистических соображений), что здесь целесообразно не ограничиваться бассейном Клязьмы — но брать шире, вообще Волго-Клязьминское и даже Волго-Окское междуречье. В таком случае, число гидронимов с префиксальным *су-* и/или финалем *-ь* на территориях, соседящих с Суздалем, у нас много больше. Так, среди притоков Москвы: реки *Жмель* (приток *Держи*), *Сукромля* (приток *Держи*), *Иночь*, *Гжелька* (изначально, очевидно — *Гжель*), *Сулоль* (приток *Дубны* (Поспелов 1998: 502)), *Сутоки*, *Сухмань*. Наконец, среди притоков *Тверцы*: *Логовёжсь*, *Негочь*, *Поведь*. Ну, и сама *Тверца* — ее первоначальное название, очевидно, *Тверь* (Нерознак 1983: 167).

Также, имея в виду наличие рек с названием *Супрута* на Верхнем Днепре, «любопытно наличие Супруты в бассейне Оки и Супрутки в бассейне Истры» (Истра — приток Москвы — А. Р.) (Топоров, Трубачев 2009: 311).

Примеры для Волго-Окского региона, когда название города образовано от гидрони-

ма на *-ь*, у нас тоже есть. Упомянем, в частности, *Рязань*: «название города возможно гидронимического происхождения, ср. названия рек в Поочье, Рязань...» (Нерознак 1983: 152). А также более известный и бесспорный — *Тверь* (Нерознак 1983: 167)⁹.

Однако, дело не только в том, что в бассейне Клязьмы мы фиксируем, помимо ойконима *Суздаль*, еще достаточно значительный ряд гидронимов и ойконимов аналогичного типа.

Весьма существенно здесь еще и то, как встречается в восточнославянском ареале соответствующая топонимическая модель: «более половины всех названий на *-ь* сосредото-

⁹ Здесь возникает вопрос о роде соответствующих ойконимов — поскольку уже самые ранние фиксации ойконима *Суздаль* дают его в мужском роде. В этой связи существенно, что в летописи ранние фиксации ойконима *Рязань* также дают его исключительно в мужском роде: под 1096 годом «иде к Рязаню»; «из Рязаня» (Нерознак 1983: 151). Привычный для нас женский род ойконима *Рязань* — явление сравнительно более позднее.

Также, упомянем здесь еще ряд аналогичных примеров: «к Волюню» (1018 год) (Нерознак 1983: 47); «не дошедше Семьня» (*Семьнь* — город в Черниговской земле, упоминается в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1152 годом; существенно, что «название образовано от реки Семьнь») (Нерознак 1983: 155).

Напротив, город Ржев (в Тверской области) — первоначально именовался Ржева: в 1386 «князь... взял Ржеву»; «ко Ржеве» (Нерознак 1983: 146). Образован ойконим Ржева/Ржев, по всей видимости, от гидронима *Ржева*.

Любопытна в этом отношении и эволюция ойконима *Москва*.

Первое упоминание Москвы, в 1147 году — «въ Московъ» (Нерознак 1983: 110); ср. здесь: Голтавь — от Голтава (Нерознак 1983: 61). При этом, отмечает В. П. Нерознак, «особый интерес представляет зафиксированная в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1177 годом форма Московь: «на Московь»; под этим же годом в Ипатьевской летописи: до Москве» (Нерознак 1983: 110—111). И хотя «слово Москва в древнерусском склонялось по типу свекры, любви, буквы», но «можно предположить, что первоначальной формой топонима была не *Москы, а Московь, Московъ» (Нерознак 1983: 114).

Факты эти показательны, поскольку демонстрируют, как при переходе от гидронима на *-ль/-ь* к ойкониму мог изменяться род топонима. По всей видимости, для гидронимов соответствующего типа был характерен прежде всего женский род (что следует и из вывода В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о том, что «среди названий рек решительно преобладают формы на *-ля*» (Топоров, Трубачев 2009: 145)). Возникающие от них ойконимы на *-ь*, сочетаясь с понятием «город», в раннее время, по всей видимости, меняли свой род на мужской, подстраиваясь под род определяющего их существительного.

исхождению гидронимами с начальным *С-* (Сингирь, Сингер и т. п.) (Матвеев 2015: 124). И здесь сразу же стоит отметить, что наличие в рассматриваемом регионе гидронимов с начальным *Су-* (конкретно — *Судогда*), для которых наиболее перспективной представляется именно финно-угорская этимология (Матвеев 2015: 106), априори требует тщательного рассмотрения каждого конкретного случая. В задачи этой работы это не входит, и здесь я лишь хотел бы обратить внимание, что среди них есть те, которые все же очевидно должны трактоваться как славянские — в частности, упоминаемая в следующем абзаце *Сукромля*.

чено в бассейне Десны» (Топоров, Трубаев 2009: 179).

В этом отношении еще выразительнее распределение некоторых составляющих их гидронимических групп. Так, «верхнеднепровские гидронимы на -гощ/-гоща в подавляющем большинстве расположены в бассейне Десны» (Топоров, Трубаев 2009: 17). Как и гидронимы на -ля/-ль: «Являясь характерными для бассейна Днепра, гидронимы на -ля распределяются в Верхнем Поднепровье следующим образом: шесть названий к западу от Днепра (из них четыре — на левобережной Припяти) и немногим менее полусотни — к востоку от стержня Днепра; особенно много таких названий по Сожи (15) и Десне (18 без Сейма). За пределами Днепровского бассейна наблюдается резкое падение количества гидронимов на -ля, особенно в бассейнах Дона, Днестра и Южного Буга. Напротив, в северном направлении — на верхней Волге, Западной Двине и Немане названия на -ля убывают очень постепенно, не образуя резкой границы с соответствующей гидронимией Верхнего Поднепровья» (Топоров, Трубаев 2009: 147).

Отметим в этой связи, что в бассейнах рек Клязьма и Москва фиксируются, как было указано выше, и гидронимы *Радомя* и *Сукромля* — которые идентичны или практически идентичны гидронимам *Сукремля* и *Радомя* бассейна Днепра (и для последних, вдобавок, здесь же фиксируются и парные ойконимы *Сукремль* и *Радомень*). Не исключено, что и ойконим *Суromна* близ Суздаля следует сопоставить с гидронимом *Сукромна* бассейна Десны.

Крайне узко, хотя и несколько отличаясь в ареале, встречаются и собственно гидронимы на -аль: «распространение немногих гидронимов с суффиксом — (а)ль, как видим, ограничено бассейном Припяти» (Трубаев 2009: 632). Хотя стоит отметить и в бассейне Десны ряд гидронимов типа *Питаль* — который, формально демонстрируя исход -аль, является неясным по происхождению (и, скорее всего, неиндоевропейским (Топоров, Трубаев 2009: 296)).

Гидронимы с префиксальным су- демонстрируют тенденцию, аналогичную гидронимам с финалем -ь.

Согласно О.Н. Трубаеву, «более половины... гидронимов приходится на Верхнее Поднепровье в широком смысле, а в его составе значительная часть Су- сосредоточена на Десне. Все это в основном случаи с ясной славянской этимологией. ...Интересно отметить, что на Ю. Буге гидронимические сложения с Су-

нам неизвестны. ...к бассейну Вислы в его восточной части принадлежат сложения такого типа, восточнославянские по происхождению, ср. *Sudol, Sulomie, Suprasl*» (Трубаев 2009: 669). При этом, стоит подчеркнуть, «и этимологически, и типологически, и географически», гидронимическая модель с префиксальным су- «обнаруживает себя как славянское образование» (Трубаев 2009: 669).

Таким образом, как гидронимы с префиксальным су-, так и гидронимы на -ь демонстрируют крайне сходное территориальное распределение в восточнославянском ареале — концентрируясь прежде всего в бассейне Десны и Сожи.

И, по всей видимости, их появление в бассейне Клязьмы должно быть связано с той ранней волной славянской колонизации Волго-Клязьминского региона, которую очертили В.В. Седов (по данным археологии) и С.Л. Николаев (по данным лингвистики)¹⁰.

Разумеется, повторю еще раз, все это не дает нам абсолютных гарантий, что топоним *Суздаль* (будь то ойконим, или же, по мо-

¹⁰ В одной из недавних работ я предпринял попытку развить и уточнить предложения В.В. Седова и С.Л. Николаева. Прочитав: «по всей видимости, население тушемлинской культуры в языковом отношении было близко именно носителям “проторостово-суздальского диалекта”, а не кривичам. Вывод этот подтверждается, на мой взгляд, и последними исследованиями С.Л. Николаева (2014: 370)» (Романчук 2014: 351).

Поскольку Десна, и особенно Сож — это область расселения уже летописных радимичей (а для более раннего времени, по археологическим данным — ареал колочинской культуры), то и вышеприведенный вывод (Романчук 2014: 351) должен быть дополнен и скорректирован. Тем не менее, полагаю, мы должны рассматривать бассейн Десны и Сожа не как исходный регион миграции носителей «проторостово-суздальского диалекта» — но промежуточный, или даже как «параллельный» — т.е., как регион, куда так же, как и в Волго-Клязьминское междуречье, шло проникновение позднепраславянских групп из ареала тушемлинской культуры.

С чем, однако, в таком случае связан тот факт, что основная концентрация соответствующих гидронимов приходится на бассейн Десны и Сожа?

Полагаю, такое распределение объясняется тем, что именно в момент заселения позднепраславянскими группами (из ареала тушемлинской культуры) бассейна Десны и Сожа происходит резкая вспышка популярности данной гидронимической модели у этих групп. Что, в свою очередь, было связано с определенными социально-демографическими процессами и изменениями в поселенческих моделях, начавшимися у этих праславянских групп в это время и как раз в связи с расселением на новые территории. Впрочем, об этом — ниже.

ему предположению — изначально гидроним) является по своему происхождению безусловно славянским — и объясняться должен, соответственно, именно на славянской почве. Порукой тому служит наличие, как было отмечено выше, среди притоков Клязьмы реки Судогда (с одноименным городом на ней), название которой, скорее всего, следует отнести к финно-угорским (Поспелов 1998: 401), или, по крайней мере, неславянским (Смолицкая 2002: 332; ср. гидроним Судость — приток Десны (Топоров, Трубачев 2009: 180, 296)). А также рек Суяга и Сойма.

Вместе с тем, рассмотрение топонимического контекста ойконима Суздаль (отметим, что О. Н. Трубачев его топонимический контекст при формулировке гипотезы просто не рассматривал и априори исходил из «славянскости» ойконима Суздаль) позволяет рассматривать славянскую версию происхождения ойконима Суздаль как все же наиболее вероятную. Равно как и наиболее вероятна связь и этого ойконима, и топонимической модели с префиксальным су- и финалем -ь в Волго-Окском междуречье с той, самой ранней волной славянского заселения региона, которую В. В. Седов и С. Л. Николаев обозначили как «славяно-мерянскую».

Весьма вероятным представляется и то, что ойкониму Суздаль предшествовал гидроним Суздаль.

То, что название реки, на которой стоит Суздаль, известно нам лишь как Каменка — не представляет собой нечто исключительное и необъяснимое. Хорошо известно, что суффикс -ка относится к числу «формантов поздней продуктивности» (Топоров, Трубачев 2009: 180). И заметим, что в бассейне Нерли (и не только) мы очень отчетливо наблюдаем, как у многих рек — ее притоков, появляются вторые, и явно более поздние названия: Желтуха (Печегда); Синюха (Булгаковка), иначе Гуляка; Крапивновка (Устье); Дубенка (Ильмис); Кукса (Липная).

Особо здесь стоит выделить еще одну, вторую, Каменку среди притоков Нерли — которая носит также (очевидно, более раннее) показательное название Суяга¹¹.

Так что, по всей видимости, гидронимы бассейна Нерли, оформленные формантом -ка — в своей основной массе образуют отдельный, и более поздний гидронимический пласт, нежели очевидно архаичные гидронимы на -ь. Которые они, очевидно, уже частично вытеснили и продолжают вытеснять.

Не является препятствием для предположения о первичности гидронима Суздаль перед ойконимом и то, что, по цитированному выше предположению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, для гидронимов на -ль и -гощ/-гость первичны все же именно соответствующие ойконимы (образованные от соответствующих антропонимов). Поскольку, на самом деле, то, что нам известно о характере раннего славянского расселения на новоосваиваемых территориях, позволяет считать, что достаточно часто изначально не поселение, а та или иная местность, и в первую очередь выделяющиеся в ней топографические объекты (как реки, источники, озера, леса, долины) — маркировалась по имени новопоселенца (главы рода или большой семьи). Поселение же, возникая позже, как раз приобретало название от соответствующего гидронима (или другого аналогичного топонима).

Это хорошо видно на примере многочисленных ранних восточнославянских поселений средневековой Молдовы, образованных с помощью форманта -ва — Ципова, Лалова, Рыжкова и пр. Как свидетельствуют более поздние этнографические данные из этого ре-

слово со значением 'камень' и соответствующий ему круг гидронимов: Кибельша, Кибень, Кибжа, Кибада, Киверевка, Кибердово (Рахконен 2012: 18); см. также (Матвеев 2015: 60); согласно А. Альквист: «Судя по микротопонимии, слово, обозначающее 'камень', звучало в мерянском, скорее всего, ближе к мордовским или даже прибалтийско-финским языкам, чем к марийскому языку. Ср., например, основу зафиксированного нами названия оврага в Переславском районе Кивриский овраг, характеризующийся действительно каменным дном, и фин., кар., вепс, эст. *kivi* 'камень', лив. *ki'uv*, *ki'v* 'камень; жернов', морд. *kev*, *kav* 'камень; (мн. ч.) жернов'» (Альквист 1997: 32)), отмечу, что поселение Кидекша располагается на Нерли, в километре выше устья Каменки. К тому же, пытаюсь мотивировать появление этого названия, сторонники данной версии апеллируют зачастую опять-таки к белокаменному строительству Владимиро-Суздальской Руси (Кидекша-Каменка — потому, что по реке возили камень для этого строительства). Безусловно, такая мотивация тоже является анахронизмом.

Впрочем, даже если принять этимологию Каменки как Кидекши — это никак не может препятствовать тому, чтобы параллельно с финно-угорским названием существовало какое-то время и ее иное славянское название.

¹¹ Для Каменки, текущей через Суздаль, достаточно давно А. И. Поповым была предложена гипотеза, согласно которой ее первоначальное название было Кидекша (с предполагаемым финно-угорским, конкретно мерянским происхождением и исходным значением «каменистая река» (Смолицкая 2002: 148)). Не останавливаясь на правдоподобии этой этимологии (ср. предполагаемое П. Рахконеном мерянское

гиона, изначально эти топонимы представляли собой составную часть более сложного топонимического конструкта со вторым элементом, имеющим значение ‘колодец, источник’, ‘речка’, или ‘пасека’ (а также, судя по весьма популярной соответствующей восточно-романской топонимической модели с компонентом *valea* ‘долина’ — возможно, и ‘долина’): *Інуцова кірнеца, Тербова, Мардарева* и пр. — где первый элемент определялся как раз именем первопоселенца/владельца (подробнее: Романчук, Тащи 2010).

В этой связи, и учитывая топонимический контекст региона, мы должны иметь в виду и еще один возможный вариант топонимической эволюции ойконима *Суздаль* — не от гидронима, но от более крупного топографического объекта, именно — ополья.

Как известно, многие ранние древнерусские города Волго-Клязьминского междуречья возникали именно в опольях — представлявших собой острова безлесного ландшафта лесостепного облика среди больших лесных массивов («древнейшие города Залесской земли были построены в так называемых опольях, т.е. своеобразных полях, с получернозёмной почвой, находившихся среди громадных лесных пространств. Такие ополья окружали Суздаль, Ростов, Переяславль. От них получили свои дополнительные прозвища города Юрьев Польский и Угличе поле» (Тихомиров 1956: 394)). И здесь любопытным свидетельством служит как раз название города Углич — восходящее, вопреки М.Н. Тихомирову, именно к более раннему *Угличе Поле*: «Угличе Поле — это значительная часть Верхневолжья, местность и город»; город получил свое название позднее, от местности (Смолицкая 2002: 360).

На высокую вероятность такого сценария наталкивают и упомянутые выше данные скандинавской традиции. Ведь они, как уже было отмечено, уделяют достаточно много, я бы сказал — непропорционально много, внимания Суздалью еще в тот период, когда он был достаточно рядовым поселением. И это, собственно, уже представляет собой вопрос, требующий ответа.

Если же предположить, что название *Суздаль* изначально обозначало не поселение, а такой крупный топографический объект, как *ополье* в целом — тогда раннее попадание названия *Суздаль* в скандинавские источники становится вполне объяснимым.

Как бы то ни было, восходит ли название Суздаля к гидрониму, ополью в целом, или же это уже изначально был ойконим — какова,

однако, все же его этимология? Что это название означало?

Здесь, как бы мы ни хотели большей определенности, на сегодняшний день возможны несколько вариантов этимологии.

Во-первых, мы могли бы все же прибегнуть к этимологии О.Н. Трубачева — но, разумеется, существенно ее модифицировав.

То есть, не пытаясь искать «каменную или глинобитную постройку», мы можем исходить из того, что первоначальным значением для праславянского *zъdъ* было ‘гончарная глина’ или ‘белая глина’ (Мартынов 2004: 88).

Во-вторых, в своих этимологических поисках мы можем обратить внимание что, отрицая значимость белорусских диалектных данных, О.Н. Трубачев ограничивался учетом лишь части их. Прочитирую (выделив соответствующее предложение) работу Н.В. Бирилло по белорусской антропонимике: «СУЗДАЛЬ рэг. ‘сухі, танклявы чалавек’ (Бяльк.), параўн. рэг. **суздолиць ‘асілиць, перамагчы, пераадолець’, ‘здолець, быць у сілах зрабіць што-небудзь’ (Нас). — Сўздалеў** (выделено мной. — А.Р.)» (Бірыла 1969: 397).

В таком случае, если здесь не возникает непреодолимых фонетических препятствий, мы могли бы предположить, что топоним *Суздаль* (буде он изначально гидронимом или же ойконимом) возник от соответствующего антропонима *Суздаль* (имея в виду славянские антропонимы, «равные нечленным формам прилагательных (Деснивь, Миль и др.)» (Васильев 2005: 36). Вспомним здесь, в частности, и известного древлянского князя по имени *Мал*)¹².

Однако, обе эти версии этимологии встречаются очень серьезное, на мой взгляд, препятствие — упомянутый выше факт первичности (и длительной устойчивости) как будто именно формы *Суздаль*. Предлагаемое В.П. Нерознаком объяснение этого факта кажется мне совершенно недостаточным.

Поэтому, мне представляется, что искомая этимология топонима *Суздаль* может быть найдена лишь в том случае, если мы будем ис-

¹² Предположение о том, что название *Суздаль* образовано от «древнерусского личного имени *Суздаль*» высказал ранее Е.М. Поспелов (2007: 401). Однако мне неизвестно зафиксированное письменными источниками древнерусское имя *Суздаль*. И думаю, что Е.М. Поспелову, вопреки его утверждению, — тоже.

Русское диалектное *суздаль* ‘выходец из Суздальского уезда; разъездной торговец мелким товаром’ (СРНГ 2008: 184) — как видим, во внимание здесь приниматься не может.

ходить из того, что первично оно звучало как *Суждаль*. Или даже, возможно, *Суждаля*¹³.

Итак, вот то, что на мой взгляд, возможно сказать на сегодняшний день по поводу происхождения названия *Суздаль*. Дальнейшие

исследования, вероятно, позволят еще сильнее сузить спектр возможных вариантов объяснения происхождения этого названия. Надеюсь, что моя работа будет этому в той или иной мере способствовать.

Литература

- Альквист А. 1997. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии. *Вопросы языкознания* (6), 22—36.
- Бірыла М. В. 1969. *Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятывнай лексікі*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Варганов А. Д. 1956. Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале. *КСИИМК* 65, 49—54.
- Васильев В. Л. 2005. *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*. Великий Новгород: НовГУ.
- Воронин В. Н. 1961. *Зодчество Северо-Восточной Руси*. Т. 1. Москва: АН СССР.
- Джаксон Т. Н. 2001. *Austr í Gørdum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. Москва: Языки русской культуры.
- Заграевский С. В. 2008. *Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника*. Москва: Алев-В. URL: <http://www.zagraevsky.com/vsmz1.htm> (дата обращения 27.05.2017).
- Зализняк А. А. 2003. Проблемы изучения Новгородского кодекса, найденного в 2000 г. В: Молдаван А. М. (ред.). *Славянское языкознание*. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 год. Доклады российской делегации. Москва: Индрик, 190—212.
- Леонтьев А. Е. 1991. Заметки о ранней истории Ростова. *Сообщения Ростовского музея* 1, 3—7.
- Леонтьев А. Е. 1991а. *Археология мери (к предистории Северо-Восточной Руси)*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Макаров Н. А. 2012. Суздальское Ополье. В: Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—X веках: археологическая панорама*. Москва; Вологда: Древности Севера, 194—212.
- Мартьянов В. В. 2004. *Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян*. Москва: УРСС.
- Матвеев А. К. 2015. *Субстратная топонимия Русского Севера IV. Топонимия мерянского типа*. Екатеринбург: УрГУ.
- Нерознак В. П. 1983. *Названия древнерусских городов*. Москва: Наука.
- Николаев С. Л. 2014. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Діалекти в синхронії та діакронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, 365—370.
- Поспелов Е. М. 1998. *Географические названия мира. Топонимический словарь*. Москва: Русские словари.
- Рахконен П. 2012. Границы распространения меряно-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки. *Вопросы ономастики* 12 (1), 5—42.
- Романчук А. А., Тащи И. Н. 2010. *Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV—начало XVII вв. от Р. Х.)*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* (5), 345—356.
- Романчук А. А. 2015. И еще раз о Суздале. http://генофонд.рф/?page_id=6358 (дата посещения 29.07.2017)
- Седова М. В. 1992. *Суздаль и его округа в X—XV веках*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- СРНГ 2008: Сороколетов Ф. П. (ред.). 2008. *Словарь русских народных говоров* 42. Стриж-Сухловина. Санкт-Петербург: Наука.
- Смолицкая Г. П. 2002. *Топонимический словарь Центральной России*. Москва: Армада-пресс.
- Тихомиров М. Н. 1956. *Древнерусские города*. Москва: ГИПЛ.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. 2009. Лингвистический

¹³ Еще одним аргументом в пользу последнего предположения, возможно, следует считать данные скандинавских источников.

Поясню.

В цитированной выше работе Т. Н. Джаксон показала, что в скандинавских памятниках есть несколько вариантов именования Суздаля — и все они представляют собой попытку объяснить непонятное для скандинавов местное название.

Причем ранние варианты пытаются вывести название Суздаль от корня *suþr* 'кислый' (самые ранние), или от мифологического существа, великана по имени Сурт, или от глагола со значением «скорбеть» (Джаксон 2001: 155).

И здесь также существенно, что, за исключением одного случая, мы наблюдаем второй компонент скандинавских вариантов — во множественном числе (*-dalar*). И лишь в одном случае — в единственном числе, т. е. — *-dalr*.

Соответственно, Т. Н. Джаксон здесь даже оказывается перед определенным затруднением, поскольку ранее она установила закономерность: формы множественного числа для древнерусских топонимов в скандинавской традиции передавали название княжеств, а в единственном числе — городов.

Но для Суздаля речь о княжестве может идти не ранее 30-х годов XII века — что заведомо много позже устанавливаемого ею времени возникновения этих, ранних, названий Суздаля в скандинавской традиции: от второй трети X века до, самое позднее, начала XI века (Джаксон 2001: 153).

Однако если предположить, что скандинавы через ранние варианты названия, со вторым компонентом во множественном числе (*-dalar*), пытались передать название топонима, которое они застали еще как *Суждаля* — а не Суздаль, то исчезает затруднение, возникшее перед Т. Н. Джаксон. И устанавливаемая ею закономерность, соответственно, избегает необходимости допускать здесь некое исключение, или ошибку транслитации.

Другое же возможное объяснение — что в данном случае через использование множественного числа скандинавы отражали соотношение топонима изначально не с поселением, но с ополем в целом.

- анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. В: Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 4. Москва: Языки славянской культуры, 9—382.
- Трубачев О.Н. 2005. Снова о названии Суздаль. В: Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 301—306.
- Трубачев О.Н. 2009. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этимическая интерпретация. В: Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 4. Москва: Языки славянской культуры, 383—695.
- Фасмер М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Москва: Прогресс.
- Шилов А.Л. 1996. *Чудские мотивы в древнерусской топонимии*. Москва: Реформ-пресс.

References

- Ahlqvist, A. 1997. In *Voprosy iazykoznanii* (6), 22—36 (in Russian).
- Biryla, M.V. 1969. *Belaruskaya antrapanimiya. Prozvishchy, utvoranyya ad apeliativaj leksiki (Belorussian Anthroponymy: Nicknames Produced from Appellative Lexics)*. Minsk: "Navuka y tekhnika" Publ. (in Belorussian).
- Varganov, A.D. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 65, 49—54 (in Russian).
- Vasil'ev, V.L. 2005. *Arkhaischeskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia) (Archaic Toponymy of the Novgorod Land: Ancient Slavic Forms Derived from Anthroponyms)*. Veliky Novgorod: Novgorod State University (in Russian).
- Voronin, V.N. 1961. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi (Architecture of North-Eastern Rus)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Jackson, T.N. 2001. *Austr í Görðum: drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh (Austr í Görðum: Ancient Russian Toponyms in Ancient Scandinavian Sources)*. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Zagraevskii, S.V. 2008. *Novye issledovaniia pamiatnikov arkhitektury Vladimiro-Suzdal'skogo muzeia-zapovednika (Recent Studies of Architectural Monuments in the Vladimir and Suzdal Museum-Reserve)*. Moscow: "Alev-V" Publ. Available at: <http://www.zagraevsky.com/vsmz1.htm> (accessed 27.05.2017) (in Russian).
- Zaliznyak, A.A. 2003. In Moldavan, A.M. (ed.), *Slavianskoe iazykoznanie (Slavic Linguistics)*. Moscow: "Indrik" Publ., 190—212 (in Russian).
- Leontiev, A.E. 1991. In *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia (Reports of the Rostov Museum)* 1, 3—7 (in Russian).
- Leontiev, A.E. 1991. *Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi (Archaeology of the Merya People. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Makarov, N.A. 2012. In Makarov, N.A., Leontyev, A.E. (eds.), *Rus' v IX—X vekakh. Arkheologicheskaia panorama (Russia in the 9th—10th Centuries. An Archaeological Panorama)*. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 194—212 (in Russian).
- Martynov, V.V. 2004. *Iazyk v prostranstve i vremeni: k probleme glottogeneza slavian (Language in Space and Time: on the Issue of the Slavic Glottogenesis)*. Moscow: "URSS" Publ. (in Russian).
- Matveev, A.K. 2015. *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa (Substrate Toponymy of Northern Russia) IV. Toponimiia merianskogo tipa (Toponymy of the Merya Type)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Neroznak, V.P. 1983. *Nazvaniia drevnerusskikh gorodov (Names of Ancient Russian Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nikolaev, S.L. 2014. In Hrytsenko, P.E. (ed.), *Dialekty v synkhronii ta diakhronii: zahal'noslov'ians'kyj kontekst (Dialects in Synchrony and Diachrony: General Slavic Context)*. Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine, 365—370 (in Russian).
- Pospelov, E.M. 1998. *Geograficheskie nazvaniia mira. Toponimicheskii slovar' (Geographic Names of the World: Toponymic Dictionary)*. Moscow: "Russkie slovari" Publ. (in Russian).
- Rahkonen, P. 2012. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 12 (1), 5—42 (in Russian).
- Romanchuk, A.A., Tashchi, I.N. 2010. *Ranniaia istoriia ukrainskogo sela Bulaeshty v kontekste istorii Moldovy (XIV — nachalo XVII vv. ot R. Kh.) (The Ukrainian Population of Bulaest and Early History of Moldavian Principality (14th—17th Centuries AD))*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 345—356 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2015. I eshche raz o Suzdale (Once more on Suzdal). Available at: http://genofond.rf/?page_id=6358 (accessed 29.07.2017) (in Russian).
- Sedova, M.V. 1992. *Suzdal' i ego okrug a X—XV vekakh (Suzdal and its Environs in 10th—15th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Sorokoletov, F.P. (ed.). 2008. *Slovar' russkikh narodnykh govorov (Dictionary of Russian Folk Idioms)* 42. Strizh — Sukhlovina. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Smolitskaia, G.P. 2002. *Toponimicheskii slovar' Tsentral'noi Rossii (Toponymic Dictionary of Central Russia)*. Moscow: "Armada-press" Publ. (in Russian).
- Tikhomirov, M.N. 1956. *Drevnerusskie goroda (Towns in Early Rus')*. Moscow: "Polizdat" Publ. (in Russian).
- Toporov, V.N., Trubachev, O.N. 2009. In Trubachev, O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura (Papers on Etymology: Word. History. Culture)* 4. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 9—382 (in Russian).
- Trubachev, O.N. 2005. In Trubachev, O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura (Papers on Etymology: Word. History. Culture)* 2. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 301—306 (in Russian).
- Trubachev, O.N. 2009. In Trubachev, O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura (Papers on Etymology: Word. History. Culture)* 4. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 383—695 (in Russian).
- Vasmer, M. 1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russian Etymological Dictionary)* 3. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
- Shilov, A.L. 1996. *Chudskie motivy v drevnerusskoi toponimii (Chude Motives in the Ancient Russian Toponymy)*. Moscow: "Reform-press" Publ. (in Russian).

Статья поступила в сборник 22 сентября 2017 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova¹.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Магистр антропологии. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: ¹ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков; Санкт-Петербург.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ	— Азовский краеведческий музей. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академия наук Української РСР. Київ.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АПП	— Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГПУ	— Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа.
Бе-СА	— Българското е-писание за археология. София.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАШ	— Высшая антропологическая школа. Кишинев.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВГУ	— Витебский государственный университет. Витебск.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАНИИЯЛ	— Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка и литературы. Горно-Алтайск.
ГИКМ	— Государственный историко-краеведческий музей. Кишинев.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГИПЛ	— Государственное издательство политической литературы. Москва.
ГМЗ	— Государственный музей-заповедник.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург.
ДАЗ	— Донецький археологічний збірник. Донецьк.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонГТУ	— Донбасский государственный технический университет. Алчевск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК	— Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕГУ	— Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. Елец.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗГУ	— Запорожский государственный университет. Запорожье.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии. Санкт-Петербург.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ІАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва.
ІАИ / І(Б)АИ	— Известия на (Българския) археологически институт. София.
ІАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ІАП	— Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
ІАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.

ИВ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный институт. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КФУ	— Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ЛГПИ	— Липецкий государственный педагогический институт. Липецк.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск.
МАИЭТ	— Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НВГУ	— Нижневартовский государственный университет. Нижневартовск.
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Великий Новгород.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НМИДК	— Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск.
НМЦА ЮФУ	— Научно-методический центр археологии Южного федерального университета. Ростов-на-Дону.
НовГУ	— Новгородский государственный университет. Великий Новгород.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАМ НАНУ	— Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины. Одесса.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОНУ	— Одесский национальный университет. Одесса.
ПГУ	— Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Тирасполь.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАЕН	— Российская академия естественных наук. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГПУ	— Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону.
РСМ	— Раннеславянский мир. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
САИР	— Свод археологических источников России. Москва.
СамГУ	— Самарский государственный университет. Самара.
СГПИ	— Саратовский государственный педагогический институт. Саратов.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СОИМК	— Самарский объединённый историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара.
СППІК	— Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ССПІК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СтавГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
ТГОМ	— Тверской государственный объединённый музей. Тверь.
ТГУ	— Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.

ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Ленинград.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск/Екатеринбург.
УТОПІК	— Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФАЭ	— Фастовская археологическая экспедиция.
ФДКМ	— Фастівський державний краєзнавчий музей. Фастів.
ХГУ	— Харьковский государственный университет им. А.М. Горького. Харьков.
ХГУ	— Херсонский государственный университет. Херсон.
ХНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХОКМ	— Хмельницький обласний краєзнавчий музей. Хмельницький.
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
АЕ	— Archaeologiai Értesítő. Budapest.
AJN	— American Journal of Numismatics. New York.
AK	— Archäologische Korrespondenzblatt. Mainz.
AM	— Arheologia Moldovei. Iași.
AP	— Archeologia Polski. Warszawa.
AV ČR	— Akademie Věd České Republiky. Praha.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus.
CA	— Cercetări arheologice. București.
FA	— Folia Archaeologica. Budapest.
IPC AŞM	— Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Chişinău.
JAS	— Journal of Archaeological Science. New York.
MA	— Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamţ.
MCA	— Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Kraków.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde. Stuttgart.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RA	— Revista arheologică. Chişinău.
SCIV(A)	— Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie). Bucureşti.
USM	— Universitatea de Stat din Moldova. Chişinău.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.